

Татьяна Сергеева

ВОЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

Рисовал Капыч

2018

УДК 82-053.6=161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С32

Автор обложки Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Сергеева, Татьяна.

С32 Вольные упражнения : [для среднего и старшего школьного возраста : 12+] / Татьяна Сергеева ; рис. Капыч ; [авт. обл. Маргарита Чечулина (Greta Berlin)]. — М. : КомпасГид, 2018. — 112 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-447-3

Ни звука. Ни вздоха. Лишь отдалённый гул трибун и шершавое тепло брусьев. Анята шла к этому невероятные десять лет: у неё есть шанс стать чемпионкой Европы! Две трети всей прожитой жизни — сплошные тренировки, сборы, турниры. А теперь до единственной мечты — рукой подать: только бы не ошибиться, только бы не сбиться, не оступиться.

Тренер тоже не дышит. Даже не слышит музыки. У Ирины были и другие подопечные: тренер она талантливый, даже олимпийскую чемпионку воспитала. Но Анята всё-таки особенная: какой бы ни была строптивой, у неё настоящий дар, которому не вредят жизненные трудности. А их, этих трудностей, предостаточно у обеих героинь. И справляются они по-разному, каждый раз делая нелёгкий выбор. Порой это выбор между делом жизни и любовью.

Повесть «Вольные упражнения» — диалог тренера и спортсмена. Взрослого, чья жизнь вся отдана спортивной карьере, и тинейджера, для которого вопрос цены этой карьеры не так однозначен. Женщины, совершившей немало ошибок, и девушки, сомневающейся в том, что встала на правильный путь. Книга так и построена: читатель видит мир спортивной гимнастики поочерёдно глазами юной спортсменки и глазами опытного тренера.

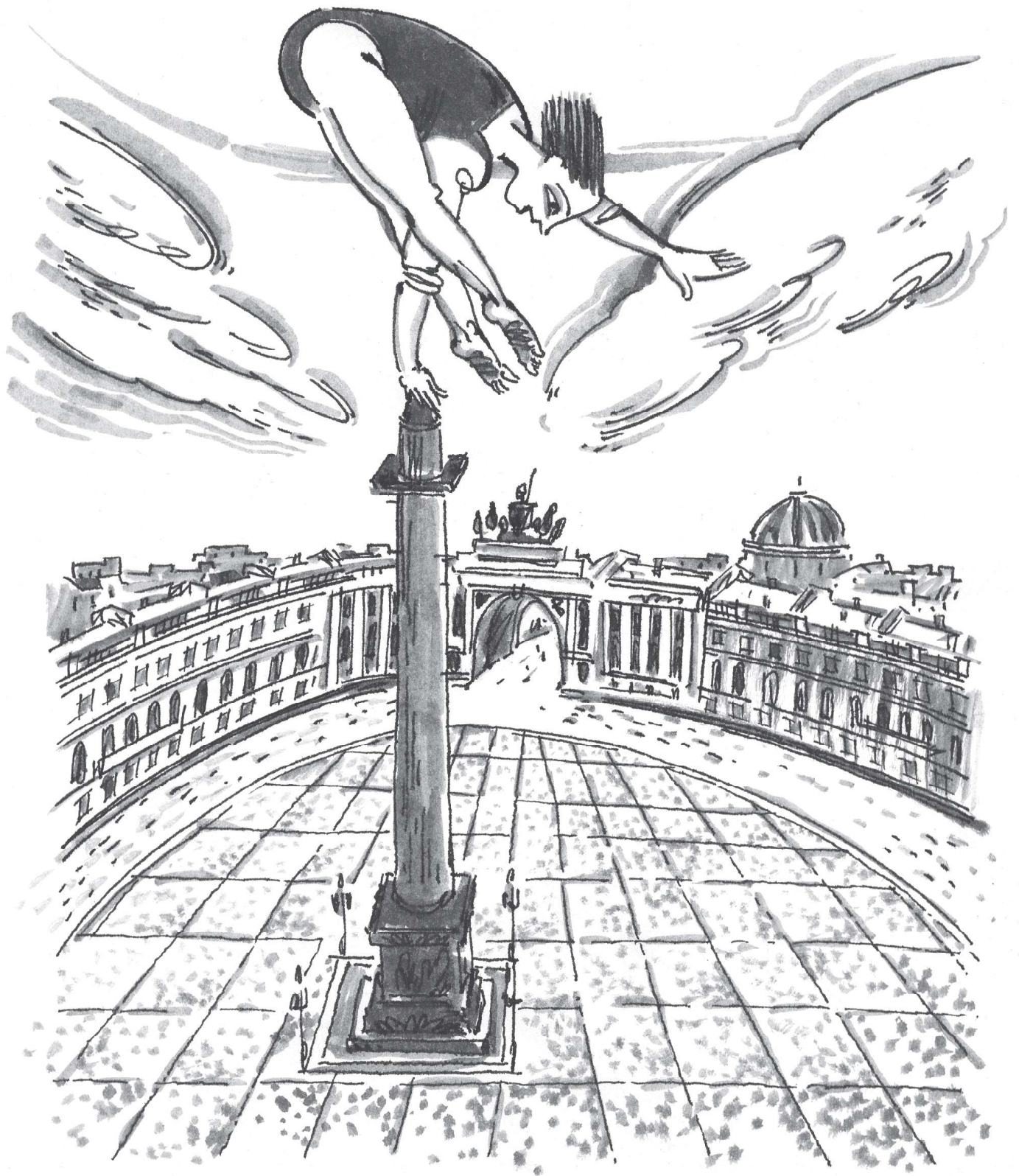
Но герои живут не только в гимнастическом зале. Внешний мир во всей своей сложности и неоднозначности тоже возникает перед читателем. Недаром эта повесть была отмечена премией «Заветная мечта» как «Лучшее произведение о современной жизни детей и подростков, об их отношениях с миром взрослых»! С момента журнальной публикации в 2007 году повесть петербургской писательницы Татьяны Сергеевой ничуть не устарела, а даже больше — зажила своей жизнью: старшеклассники посвящают ей сочинения, а взрослые читатели и сегодня обсуждают в соцсетях. Отдельной книгой «Вольные упражнения» выходит впервые.

УДК 82-053.6=161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-447-3

© Сергеева Т. А., текст, 2018
© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018.

АНЮТА

И чёрт меня дёрнул связаться с этой гимнастикой! Училась бы в школе спокойненько. Отличницей была бы... Наверно... А так... С пяти лет, кроме «нельзя!» и «надо!», никаких слов не слышишь... Рабыня я, что ли, Ирине? Разоралась на меня сегодня, как ненормальная. Боюсь я, видите ли, делать этот проклятый новый элемент на бревне. Третий месяц мат подстилаю... Ну и что?! Да, боюсь! Ирина — олимпийская чемпионка, чемпионка мира, Европы и ещё чего-то там, но в своё время такой акробатики, как у меня, в глаза не видела. А с меня требует. Орёт на меня сегодня. А я в сторону смотрю и мат с бревна не убираю. Она психанула, конечно, скинула его на пол да как закричит:

— Полезай сейчас же!

Если честно, то я, конечно, понимаю, что давно пора всё делать без страховки, но если бы она по-другому как-нибудь... А так — назло Ирине я схватила мат за край и опять его на бревно тащу. А она не даёт. Почти подрались. Ирина как дёрнет меня за волосы, у меня даже голова мотнулась...

— Убирайся из зала, паршивая девчонка! Чтоб глаза мои тебя больше не видели!

Ну и на здоровье! Я сумку подхватила и спокойненько за дверь. Девчонки рты пораскрывали — прямо кино! Смотрят, что дальше будет. А дальше

ничего и не было. Ирина ко мне спиной повернулась, а я, хоть и здорово реветь хотела, даже виду не подала. Морду топориком — и в раздевалку. Там, конечно, за дверцей своего шкафчика поревела. Потом умылась в туалете, но физиономия распухшая. Заметно...

Иду по улице, вечер такой хороший, морозец лёгкий. Снег блестит, хрустит под ногами. Скоро Новый год. У нормальных детей — каникулы. А у нас на каникулах вместо одной тренировки в день будет две. А вот и нет! В этом году у меня будут каникулы, как у всех моих одноклассников. Ирина думает, что я завтра как ни в чём не бывало на тренировку приду. Не дождётся! Больше я в зал — ни ногой! Пусть она сначала своих собственных детей займёт, их гимнастике учит и за волосы дёргает!..

Такая злая домой шла, что не заметила, как перед своей дверью очутилась. Прислушалась — тихо. Может, и обойдётся сегодня. Хватит с меня Ирины. Ключ в замке почти неслышно повернулся. На вешалке чужой одежды нет — уже хорошо. Бабаня сегодня сутки дежурит, её куртки тоже нет. А мамино пальто висит. Совсем старое пальто стало, манжеты такие затёртые. А новое пальто купить — у нас денег не хватает.

Я вошла в комнату — слава богу! Гости, наверно, совсем недавно ушли. Стол завален, как всегда: пустые консервные банки, высохшие плавленые

сырки, обкусанные солёные огурцы... А мама спит, положив голову на грязный стол. Я открыла форточку, освободила себе часть стола и села дописывать упражнение по английскому, которое начала писать ещё до тренировки в нашей гимнастической раздевалке. На душе скребли кошки, я взяла и включила наш старый телик — он мне никогда не мешал. Там шёл какой-то скучный фильм про войну. До чего мучительное занятие — искать незнакомые слова в словаре! Но ничего не поделаешь — надо. Как только начала за границу ездить, сразу поняла, что такое иностранный язык. Без языка в чужой стране всё равно что глухонемая. Но сегодня больше заниматься не могла — устала. Бросила всё и, не раздеваясь, плюхнулась на постель. Когда у мамы засиживались гости и Бабаня забирала меня к себе, я всегда засыпала у неё не раздеваясь. И сегодня тоже отключилась под крики и пальбу по телевизору.

Проснулась ночью — экран был белым, гудел сигнал, а мама совсем завалилась на бок, вот-вот упадёт.

Я выключила телик, отодвинула серое одеяло с маминой давно не застилавшейся кровати, потрясла её за плечо.

— Ма... Мама...

— Это ты, Анюта? — Она смотрела на меня, почти не узнавая. — Пришла?

— Пришла, пришла... — Я трясла её за плечо, не давая снова заснуть. — Иди на кровать, мама... Давай помогу.

Она послушно навалилась на меня всей тяжестью, и мы почти упали на её постель. Я уложила её поудобнее, поправила подушку. Завтра проснётся, опять будет плакать и просить прощения. И обещать, что «больше никогда, никогда»...

Мама опять что-то пробормотала.

— Ты что, мама?

— Как тренировка?

Я даже рассмеялась.

— Нормально. Спи.

Я выключила свет, стянула с себя колготки, платье, снова залезла под одеяло. Лежала в темноте и обдирала мозоли с ладоней. У всех гимнастов на ладонях толстые мозоли от снарядов. Такие корки нарастают... С мальчишками за руку никто из наших не здоровается. Ладони привычно пахли магниезией. Я почувствовала её знакомый щекочущий запах в носу и громко чихнула. Спать совершенно расхотелось. Я ковыряла мозоли и думала вот о чём.

Если у мамы опять сегодня были гости, значит, мою стипендию она получила и, наверно, от неё уже ничего не осталось. Вот тебе и цитрусовые... Как член сборной страны я получаю большую стипендию. Для того чтобы работать в зале, нужны

силы и железное здоровье. Я каждый раз уверенно вру Ирине, когда она спрашивает, ела ли я сегодня апельсины и орехи. Я их не ем. Обедаю в школе как все: суп, макароны с котлетой и чай. Мама берёт у меня доверенность и получает мои деньги. А когда мы приходим в кассу вдвоём и я сама расписываюсь в ведомости, бухгалтер всё равно отдаёт деньги ей. И все считают, что так и должно быть. Сама я, конечно, никому ничего не говорю. А с мамой ссорилась. Когда она мои кроссовки продала, такой ей скандал закатила... Жалко было ужасно — ни разу не успела надеть, только выдали... Наревелись тогда обе, а что толку... Через месяц новый тёплый тренировочный костюм кому-то загнала. В команде пришлось соврать, что где-то украли. Но теперь — всё. Когда мама узнает, что я бросила гимнастику, ох и переживать будет, уговаривать, плакать. Но прости, мамочка, в зал я больше ни за какие коврижки не вернусь! Буду самая обыкновенная школьница. Буду в школу ходить, получать нормальные отметочки, буду гулять когда вздумается, на лыжах кататься, есть мороженое в своё удовольствие, ну и всё такое прочее.

Я не заметила, как заснула. И снился мне всё тот же наш гимнастический зал, в котором зимой страшно холодно, а летом невыносимо душно, потому что в нашей спортшколе нет денег

на стеклопакеты. Мне снилось всё то же опостылевшее бревно в десять сантиметров шириной. И злющая Ирина, Ирина Николаевна Масленникова, мой тренер. Или — «моя тренер»? Интересно, как правильно?

Ирина с ненавистью смотрит на меня и громко и гулко кричит через весь зал:

— Прыгай, трус!

А я стою на бревне и думаю, что если я сейчас прыгну и отклонюсь в прыжке в сторону хотя бы на сантиметр, то обязательно лицом к бревну приварюсь или на голову встану...

— Трус! Трус! — снова кричит Ирина.

Я резко оттолкнулась, подпрыгнула, выполнила какой-то фантастический прыжок, раскрылась и... И вдруг почувствовала, что какая-то мягкая волна стала поднимать меня всё выше и выше, под самый потолок, и я полетела по кругу, не делая никаких движений руками, раскинув их широко-широко, и все внизу стояли и восхищённо смотрели на меня.

ИРИНА

Кому нужны спортивные данные, если нет спортивного характера?! Талантливая девчонка, талантливая, но как тяжело осваивает всё новое! Бьёшься, бьёшься — ни с места, а чуть голос повысишь — сразу брык, и вон из зала... Я, конечно, тоже не на высоте. Макаренко в юбке... Прекрасно знаю: чем больше кричишь на ученицу, тем у той всё хуже получается. И за косу дёрнула девчонку, словно нельзя было сдержаться! Ведь видела, видела, что Павел подошёл, он всегда так подходит, когда я слишком распалиться начинаю. Просто подойдёт и встанет где-нибудь поблизости. Сам-то он на свою Светланку никогда голоса не повышает. Отзовёт в сторону и шепчет ей что-то, чуть ли не на ухо... Иногда, когда он вот так подходит, я как-то справляюсь с собой, стихаю, но в этот раз не получилось, вывела из себя, заноза этакая... Видимо, ничего у нас с ней не получится.

Вот жизнь наша тренерская: целиком от такой соплячки зависит. Так мало детей просто способных к гимнастике, а талантливые — вообще подарок судьбы. Попадётся тебе в руки такой пятилетний бриллиантик — и трясёшься над ним десять лет: как бы вырастить да не сорвать, не погубить при этом... А бриллиантик этот вырастает

и становится нахальной бессердечной девчонкой, которая каждую тренировку буквально издевается над тобой. Я ведь знаю её возможности, знаю, она готова к этому злополучному элементу, может его сделать — но страх... И никаких усилий над собой, чтобы его преодолеть. А без риска гимнастики нет. Надо всё время расти, пробовать новое, двигаться вперёд. А мы как забуксуем на месте, каждый раз со скандалом, с руганью, с разрывом. Восемь лет жизни ухлопала на этот подарок, и вот теперь у разбитого корыта. Ну попали, попали мы в молодёжную сборную, но ведь там надо всё время что-то новое показывать, а мы на прошлом сборе как начали этот элемент на бревне пробовать, так до сих пор на мат и прыгаем. И завелась я почему — вызов на очередной сбор в кармане лежит, а везти в Москву нечего...

Сегодня третий день, как эта паршивая девчонка не появляется в зале, но я за ней больше не пойду. Привыкла, что каждый раз возвращаю. Хватит.

И всё-таки я вздрагиваю и дёргаюсь на каждый стук входной двери. Через час надо заканчивать тренировку, а я ловлю себя на мысли, что всё ещё жду: вдруг явится, может быть, в школе какое-нибудь мероприятие, не знаю, что там ещё...

Кроме Анны, у меня ещё двое. Первый разряд. Девчонки старательные, работать я их научила, хотя часто уезжаю с Анной, приходится их

бросать на других тренеров. Но растут, успевают, на городских соревнованиях смотрятся вполне прилично. До сборной города я их, конечно, дотяну. Но дальше — вряд ли, не те данные.

Нарочно встала спиной к двери, внимательно слежу за своими ученицами.

— Петрова, не путай руки с ногами! И не ходи чемоданом! Следи за собой всё-таки...

А что, если я зря Аньку ругаю? Если всё дело не в ней, а во мне? Если бриллиантик да не тому ювелиру достался? Если я просто бездарный тренер и ничему не могу научить? Но Майку-то научила когда-то! Майка... Как часто я теперь её вспоминаю. У Майки золотой характер, работать с ней было одно удовольствие. Олимпийской чемпионкой стала, а всё такой же Майкой осталась, так до последней тренировки мне в рот и смотрела, верила, как Господу Богу. В детстве всё твердила, что тренером хочет быть, но школу окончила — и в медицинский... Что-то давно я её не видела, надо будет позвонить вечером.

Вспомнилось вдруг: давно это было... Мы с Майкой с тренировки шли, усталые обе, чуть живые. А в этот день в метро новую станцию открыли. Вот Майка и пристала: давайте, говорит, съездим, посмотрим... Поехали. Вышли на той станции. Майка голову задрала, ахает:

— Ирина Николаевна, вы только посмотрите, люстры какие!

А я от усталости глаз поднять не могу. Сама ни за что в такую даль не потащилась бы, всё ради Маечки... Иду в пол смотрю. И вдруг застыла: вижу, идут впереди меня потрясающие ноги — ровненькие, коленочки развёрнутые, стопа маленькая, аккуратная. Я Майку — в охапку, и в вагон, за этими ногами. Смотрю, девчушка — не больше пяти, сопливая, глазки смышлёные, и мать её за руку держит, совсем хмельная...

Вот так мы и познакомились с Анной Дружининой, от которой я теперь целиком завишу. И с матушкой её тоже... Ох уж эта матушка! Я в одну сторону девчонку тащу, а она в другую. И ведь как девочка любит, жалеет мать, слова лишнего по её адресу не простит — замкнётся сразу, набычится, и взгляд сразу становится такой стеклянный — просто беда.

— Где твой толчок, скажи, пожалуйста? От бедра толкайся, от бедра!

Вера Чижова, мой лупоглазый и добрый Чижик, неудачно сгруппировалась и стукнула себя коленом под глаз. Шлёпнулась на мат и заревела.

— Ещё раз так плечом дёрнешь — и воткнёшься головой. Хочешь попробовать? Ну-ка, посмотри на меня! Синяк будет, никуда не денешься. Ну, не реви! Майка как-то на тренировке себе сразу два зуба собственным коленом высадила...

Вот Анна — та как кошка. Координация фантастическая: из любого положения вывернется

и встанет на ноги. Бывало, на акробатике так рискованно раскроется, что я буквально бросаюсь под неё. А она выкрутится и так довольно-виновато из-под своих татарских бровей посмотрит. Только в чёрных раскосых глазах ещё долго-долго тает страх...

Вторая моя младшая — Петрова — опять стоит посреди ковра. После акробатики растрепалась, разлохматилась, одна лента на кончике косички болтается, а вторую успела где-то потерять. Малыши разучивают на ковре свои первые в жизни вольные упражнения, и деликатная Петрова переживает, когда можно будет высвободить себе пространство и разбежаться на бревно.

— Маша, иди сюда...

Пришлось доставать свою расчёску. Распустила её волосы, расчесала, туго заплела одну косицу, подвязала её колбаской.

— Ты чего посреди ковра стоишь? Ты год так будешь стоять. Прыгай. В зале реверансы не делают. Ты — старшая, вот и прыгай, а малыши пусть подождут...

Подошла Вера Павловна — тренер этих младших.

— Ир, обрати внимание вон на ту девочку в голубой футболке. По-моему, там есть над чем работать.

— Я посмотрю... как-нибудь.

Вера Павловна поджала губы. Не хватало ещё, чтобы она обиделась.

— Обязательно посмотрю. Вот со сбора приедем, я её как следует посмотрю.

Машка пощупала косицу, вернулась на прежнее место, разбежалась и сделала неудачный наскок на бревно.

— Руки жёстко ставь, поняла?

Скоро первенство города, надо подтянуть.

— Ну что, Ирина? — Подошёл Павел. — Может быть, мне сходить за ней?

— Не надо.

— А вдруг заболела?

— Есть телефон.

— Может, всё-таки сходить?

— Много чести.

Павел сочувственно вздохнул:

— Ты права.

Павел у нас старший тренер. Он меня отлично понимает и во многом согласен со мной. Но с потерей Анны для школы такой хвост потянется, придётся давать объяснения на всех уровнях: почему не удержали, почему потеряли, почему не вернули? И выводы, выводы, выводы... И самый главный: плохой, значит, у девочки тренер, если не сумела найти с ней контакт, общий язык...

Что ж, видимо, тренер, действительно, скверный.

— Ладно, Паша, подождём ещё пару дней.

— А сбор?

— Откажусь. Возьму и заболею. Свинкой.

Чёртова профессия! Но ничего другого я делать не умею.

После тренировки все собрались в учебной части пить чай. Наши милые женщины, которых я столько лет знаю, люблю иногда, а порой ненавижу до изнеможения, хлопотали вокруг стола. Я принесла с собой утром огромный торт. Мужчины шумно рассаживались и традиционно однообразно шутили, что с меня причитается и что я тортом не отделаюсь — тридцать пять всё-таки...

Когда сбили естественный послерабочий голод, шумно заспорили, заговорили. Конечно, всё вокруг нашей любимой гимнастики: ругали учеников, рассказывали последние спортивные новости, на ходу решили, кто будет судить на первенстве города от нашей школы... Всё как обычно. И вдруг мне стало так нестерпимо скучно, что я замолчала и как-то отчуждённо подумала, какие же мы ограниченные, односторонние люди! С раннего детства погружены в свою замкнутую жизнь («О спорт, ты — мир!»), детство, юность проходят в зале, учимся дальше в своём институте физкультуры, снова возвращаемся в тот же зал... Женимся, расходимся — всё здесь же, среди своих, создаём на тренировках себе подобных, которые так же, как мы, навсегда врастают в нашу спортивную землю и передают эту эстафету дальше...

За всю свою сознательную спортивную жизнь я впервые думала о себе и своих коллегах именно так. Подумала — и стало стыдно. И Павел, сидевший по другую сторону стола, словно понял, о чём я думаю, как-то настороженно и вопросительно посмотрел на меня. Нет, я никогда не считала, что живу зря: несколько лет я выступала за свою страну, в мою честь играли наш гимн... Потом поднялась на пьедестал моя Майка, вот и Анна несколько раз выиграла международные соревнования... Откуда такое вдруг настроение — не знаю. То ли Анна виновата, то ли сегодняшняя бездарная тренировка, то ли мои тридцать пять. Я сидела рядом со своими коллегами за письменным столом в тесной учебной части, даже острила и смеялась, а сама думала: когда же эта бесконечная профессиональная болтовня всем надоеет и мои вечно спешащие семейные коллеги засуетятся, собираясь домой?

Я выросла в этом зале, в котором сейчас работаю, и почти все мои сослуживцы, как совсем молодые, так и более старшие, тоже созданы, вылеплены нашей спортшколой. А когда с людьми живёшь и работаешь рядом с детства, твоя судьба сплетается с их судьбой, как корни близко растущих деревьев. Не всё мне нравится в моих коллегах, и меня они, наверно, иногда выносят с трудом... Порой наш тесный, немногочисленный клан сотрясают ураганы: все вдруг начинают бурно ссориться

друг с другом, наши мужики поспешно снимают стресс своими мужскими методами, кое-кто может в зале и под мухой появиться, чем вызывает ещё большее негодование женской половины, которая выясняет отношения в истерических выпадах и слезах... Но потом буря стихает, мы устаём от бессмысленных ссор и столкновений, вспоминаем о том, что нам никуда друг от друга не деться, что надо жить в этом зале ещё долгие, долгие годы... Всё возвращается на круги своя: скоро опять соревнования, надо готовить команду, которая за время наших баталий совсем развалилась.

Мы всё знаем друг о друге. Иногда это хорошо, иногда очень мешает, но, не дай бог, случится какая-то беда, мы все готовы мчаться на помощь... В тот год, когда болела мама, мои товарищи столько сделали, чтобы заменить и подстраховать меня... Это забыть невозможно.

В те не столь далёкие времена, когда нашу страну сотрясал экономический кризис, спорт для нашего правительства словно перестал существовать. Мы не ездили на сборы, из команд убрали врачей и администраторов, зарплаты тренеров обесценивались на глазах. Спортшкола быстро осиротела: хорошие специалисты разбегались в поисках заработка кто куда. Светлана Михайлова, отличный малышковый тренер, сделалась «челночницей», я до

сих пор часто вижу её на нашем рынке. Она так и не вернулась к нам. А вот Слава Чесноков, лучший в городе тренер по акробатике, имея большую семью и испугавшись безденежья, ушёл работать на кладбище. Лет пять, наверно, был могильщиком. Но не выдержал, снова вернулся в зал.

— Ирина! — Это Павел. — Ты так быстро ушла...

Дул холодный, мокрый ветер, падал снег и тут же таял на тротуаре. Хотелось домой.

— Ты сегодня на себя не похожа. — Он сбоку посмотрел на меня. — Напряжённая какая-то, злая и притворяешься много... Ты домой?

Я кивнула.

— Тебя проводить?

Я прямо посмотрела ему в лицо. Он отвернулся, сказал чуть виновато:

— Но у тебя рождение, а ты одна... — и, не дожидаясь ответа, он крепко сжал мне запястье и, перебежав улицу, скрылся в проходном дворе.

В детстве мы тренировались в одном зале. Потом разбежались. Я оторвалась, ушла далеко вперёд. Встретились мы уже в институте и в нашу спортшколу вернулись вместе.

Конечно, и до сближения с ним у меня были какие-то привязанности, иногда достаточно длительные, но работа в зале не позволяла расслабляться. Сначала выступала сама, было некогда бегать на свидания, потом увлекла работа, появилась Майка,

опять было не до личной жизни... Гимнастика — беспощадный вид спорта, она требует от человека всей его жизни, всей без остатка. Тренировки нельзя прерывать даже на несколько дней, навыки, приобретённые с таким трудом, теряются мгновенно. Я не была в отпуске, кажется, лет восемь: сначала нельзя было прервать занятия с Майкой, потом начала работать с Анюткой. Оформляла отпуск и ехала на сбор. Так делают все наши, у кого есть перспективные ученики. Постепенно я пришла к выводу, что семья, муж — не для меня. Какой из меня семейный человек, если я десять месяцев в году на сборах? А муж — значит, ребёнок. Потерять год, чтобы родить, а потом постоянно дёргаться между залом и домом — то температурка, то животик, то сопельки... Я давно переболела этим делом, и даже мама смирилась, проклиная мою мужскую профессию...

Но умерла мама. Квартира сразу опустела, хозяйство развалилось.

Павел был давно женат, имел двух девочек-двойняшек, о которых мог говорить часами. В гимнастику он их не тянул — не те способности. Тренер он — от Бога, кроме основательных знаний, у него потрясающая интуиция и работоспособность, потому и попали они со Светкой в сборную страны на год раньше нас с Анной. Мы с ним очень много